
Маленькая страна «из бывших советских республик» переживает НЕЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА.

Будущие выборы президента грозят завершиться кошмаром...

Премьер-министры — жертвы политических интриг — сменяют друг друга, как куклы-марионетки...

Оппозиция рвется к власти, не выбирая средств, и от восстания страну спасают пока лишь непрерывные разборки между ведущими «противниками режима».

«Последним перышком», грозящим ввергнуть народ в хаос гражданской войны, становится ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО знаменитого журналиста, в котором обвиняют президента...

Сцена власти ждет НОВОГО актера на главную роль — человека «из низов», способного принести с собой СИЛЬНУЮ ВЛАСТЬ!..

Право на легенду

— Моя вера никудышная, — заявил он. — К тому же я не могу доказать ее. Самая лучшая вера у того, у кого есть хорошие ботинки и вдоволь еды. У меня ничего этого нет, и я живу в землянке.

— Старая песенка, — отмахивался пастор Руноульвур, — тот, у кого нет еды и одежды, не устает поносить тех, у кого они в достатке. А ведь один из пророков говорил, что человек должен иметь еду и одежду, чтобы творить добро. Вы забываете, что во всем есть высший смысл — как в хорошем наваристом бульоне, так и в ботинках. Греки это называли идеей. И это духовное, вечное свойство, заложенное в жизни и в каждой вещи, лежит в основе учения... А если человек так бездарен, что не может обеспечить себя едой и одеждой, и настолько лишен мужества, что не в состоянии выбраться из землянки, то сомнения нет — такой человек чужд и духа, и вечности.

*Халлдор Лакснесс
«Возвращенный рай»*

Всякое сравнение героев романа с реальными лицами неправомерно, ибо все это — вымысел автора, хотя в любой фантазии всегда возможны невольные совпадения с фактами, происходящими в действительности. Во всяком случае, это не биография какого-то существующего человека, а всего лишь попытка воссоздать образ возможного политика нашего времени.

Вместо вступления

В понедельник рано утром все помощники и советники собрались в его кабинете. Настроение было тревожным, поэтому говорили мало, с напряжением ждали телефонного звонка. Хозяину кабинета вот-вот должны были позвонить, а в полдень ему предстояло ехать в парламент страны с докладом.

Сам он, внешне спокойный, лишь изредка постукивал пальцами по столу, в чем присутствующие безошибочно угадывали его нетерпение, да в отличие от обычной манеры поведения не отвечал на звонки других телефонных аппаратов. Потом неожиданно шумно поднялся, махнул рукой, что означало «всем оставаться на местах», и прошел в комнату отдыха, где, усев-

шись в глубокое кресло, постарался немного расслабиться. Он позволил всем им, находящимся сейчас в его кабинете, быть с ним рядом, потому что, в конце концов, вопрос, решения которого они сейчас ждали, касался их всех. Всех до единого. Если он проиграет, то и им всем придется нелегко. На государственной службе они наверняка не останутся. И даже в бизнесе им не дадут дороги. Уж больно они засветились, пытаюсь ему помочь, слишком близко стояли рядом с ним и очень усердно работали на него, чтобы рассчитывать на снисхождение. Он точно знал, что среди собравшихся нет предателей, нет перебежчиков, готовых переметнуться на другую сторону. Сейчас здесь с ним остались только самые преданные люди, с которыми он прошел долгий, тяжкий путь и которым абсолютно доверял.

Шумно вздохнув, он посмотрел на часы. Должны бы уже и сообщить, как там прошла встреча. Почему они молчат? Нахмурившись, он потянулся к телефонному аппарату, стоящему рядом на столике, но передумал. Нет, не стоит ему звонить. Не может он дать даже малейшего повода заявить о его вмешательстве. Остается только ждать, хотя ждать совсем не в его характере. Он сжал пальцы в кулак, убрал руку.

Там, в его кабинете, несколько человек волнуются не меньше его. Их нельзя надолго оставлять одних, демонстрируя свои сомнения. В такую минуту его обязанность их поддержать. Он провел рукой по лицу, поднялся. Затянул узел на галстуке, вернулся в кабинет. При его появлении все опять поднялись. Он знал, как все они к нему относятся. Наверное, немного побаиваются, считая достаточно жестким начальником. Но с другой стороны, эта команда единомышленников — люди, которым он доверяет и которые сознательно связали с ним свою жизнь.

— Ничего не сообщали? — спросил он, усаживаясь за стол.

— Ничего, — ответил один из его советников, — но мы думаем... — Он не договорил, потому что в этот момент раздался телефонный звонок.

Все невольно повернули головы к аппарату. Если бы сейчас по прямому телефону позвонил сам президент страны, то и его звонок, пожалуй, взволновал бы их гораздо меньше. Помощник выразительно посмотрел на хозяина кабинета, не решаясь снять трубку, хотя звонил обычный городской телефон, выведенный в приемную. Но секретарь в приемной знала, как и все, ждала

другого звонка и тоже не решалась снять трубку именно этого аппарата.

— Ответь, — разрешил хозяин кабинета.

Помощник еще раз посмотрел на него и, сделав несколько шагов к столу, поднял трубку.

— Слушаю вас, — сказал он чуть дрогнувшим голосом. Было заметно, что помощник сильно волнуется. — Да, это его приемная, вы правильно звоните. Да, я вас слушаю, — он представился.

Все находящиеся в кабинете внимательно следили за выражением его лица.

— Что случилось? — переспросил помощник. А когда услышал ответ, у него начало меняться выражение лица. Буквально на глазах. И всем стало понятно, что полученные известия вызвали у него отнюдь не положительные эмоции. — Понимаю, — тихо произнес он и разъединился. Затем вновь глянул на хозяина кабинета.

— Не молчи, — приказал тот, — говори, что там произошло?

— Автомобильная авария, — выдавил помощник, — они говорят, что это похоже на автомобильную аварию.

Было заметно, как напряглись лица всех присутствующих. Хозяин кабинета недовольно

покачал головой. В такие минуты нужно сохранять самообладание и постараться не сорваться. Он шумно выдохнул воздух, переспросил:

— Значит, авария?

— Они так говорят, — ответил бледный от волнения помощник.

— Говорят... — Хозяин кабинета вложил в это слово все свое презрение к тем, кто сегодня выступал против него. Потом посмотрел на собравшихся.

Все ждали, что он им скажет. От его настроения и его слов зависело, как они поведут себя дальше.

— Авария, — повторил шеф, поднимаясь. — Выходит, решили сделать по-своему. — Он помолчал. — Значит, так, все по своим местам. Будем считать, что это случайность, на которую мы не имеем права обращать внимание.

— Но, Виктор Викторович... — попытался что-то возразить помощник.

— Случайность, — повысил он голос, — и не нужно мне ничего больше объяснять. Я не ребенок, все понимаю.

— Это убийство, — тихо сказал кто-то из присутствующих. Но недостаточно тихо, чтобы его не услышал хозяин кабинета.

Тот нахмурился, быстро произнес:

— Такими делами занимается прокуратура, а мы должны работать. Работать так, чтобы не оставить им ни единого шанса... — Не сдержавшись, он сжал пальцы в кулак, стукнул им по столу. Стукнул не очень сильно, сумев в последний момент смягчить силу удара, и все же стук был подобен удару гонга. Все поспешили к выходу.

Когда все вышли из кабинета, Виктор Викторович глянул на телефон. Два года назад он точно так же смотрел на аппарат, ожидая звонка президента. Неужели с тех пор прошло только два года? А кажется, это было так давно. Он закрыл глаза. Тогда ему тоже трудно было принять решение. Зато множество людей пытались это сделать за него, давали ему советы, искренне считая, что он в них нуждается. Но он никогда не слушал чужих советов, даже если ему пытались помочь близкие люди. Всю свою жизнь шел напролом. Как поступил и тогда, два года назад, так поступит и теперь, получив это невероятное известие об автомобильной аварии, которая не должна была произойти ни при каких обстоятельствах.

Часть первая

КАНДИДАТ В КАНДИДАТЫ

Глава 1

Он уже знал, что ему должны позвонить и что звонок может раздаться в любую минуту. Уже второй час, хмурясь, сидел у аппарата, но телефон молчал. Хотя это было совсем не в его характере — терпеливо ждать, когда его позовут. Хотелось встать и уйти, пусть потом сами его ищут. Но с другой стороны, понимал, что так поступить проще всего. Вообще от всего отказаться, никуда не переезжать. Просто плыть по течению... Только и это было не в его характере. Не зря же жизнь столько раз проверяла его на прочность. Порой даже казалось, что все предыдущие его годы были одной сплошной проверкой: выстоит ли, не сломается ли, сумеет ли удержаться? И множество раз думал, что все могло бы быть чуточку иначе, немного по-другому...

Виктор Викторович глянул на свой стол. Бумаги сложены аккуратной стопочкой. Некото-

рые ему надо срочно подписать. Еще раз посмотрел на телефонный аппарат. Если не позвонят, значит, не судьба, подумал он. Хотя, по большому счету, ни в какую судьбу не верил, искренне считая, что человек сам создает свой характер и творит свою жизнь.

Виктор Викторович Ермакович, пятидесятидвухлетний глава области, один из самых известных и популярных политиков Украины, сидел за столом в ожидании звонка президента. Это был человек высокого роста, широкоплечий, подтянутый, постоянно занимающийся спортом, не позволяющий расплываться своей фигуре. Упрямая складка на подбородке, тонкие губы, мясистые щеки, курносый нос, красивая копна темных волос с проседью — такие мужчины обычно нравятся женщинам.

Он придвинул к себе папку с бумагами, взял ручку. Ему могут вообще не позвонить, а дела не ждут. В конце концов, быть руководителем крупнейшей области страны — это тоже что-то значит. А он уже больше пяти лет стоит во главе области и привык отвечать за свои дела и поступки.

Телефон словно только этого и ждал. Стоило хозяину кабинета раскрыть папку, как сразу

же затрезвонил. Ермакович удивленно посмотрел в сторону выстроившихся на столе аппаратов. Нет, это не прямой телефон с Киевом, по которому может позвонить только один человек — сам президент страны. Надрывался совсем другой — обычный городской телефон, номер которого знали лишь несколько человек: жена, сыновья да двое-трое самых близких друзей.

Он не спеша поднял трубку.

— Я вас слушаю, — буркнул недовольно. В принципе сейчас никто не должен был его отвлекать. Даже жена.

— Виктор Викторович? — спросил незнакомый голос.

Или знакомый? Хотя этот человек раньше никогда ему не звонил. И даже не должен знать этого номера его телефона. Хотя что значит не должен? Кому надо, все всегда знают. Раздобыть номер его прямого городского телефона им совсем не сложно. Но почему он вдруг решил использовать обычный городской номер, ведь мог позвонить и по аппарату правительственной связи? Или точно знает, что все аппараты правительственной связи прослушиваются? В том числе и прямая линия с президентом?

— Да, это я, — подтвердил Ермакович. — Кто говорит?

— Я думал, вы меня узнаете по голосу, — отозвались на другом конце провода.

— Я давно не играю в такие игры, — устало поморщился Виктор Викторович. — Могли бы и представиться, коли уж решили со мной поговорить?

— Это Олег Константинович, — сообщил звонивший.

Хозяин кабинета нахмурился. Он так и думал, впрочем, ошибиться было невозможно.

— Алло, вы меня слышите? — спросил Олег Константинович. — Куда вы исчезли?

— Никуда, — ответил Ермакович. — Жду, когда вы начнете разговор.

Он уже начал догадываться, зачем ему звонят. Но еще не хотел поверить даже самому себе. Неужели они решатся выступить так открыто?..

— Виктор Викторович, я не хочу отнимать у вас много времени, — начал его собеседник, — наш разговор не прослушивается, мы приняли некоторые меры...

— Мне все равно, — довольно невежливо перебил его Ермакович.

— И тем не менее я хочу, чтобы вы знали. По-

сле последних событий все словно с ума посходили. Боятся вообще разговаривать по телефону.

— Я не боюсь.

— Знаю. Именно поэтому я вам и позвонил. Хочу обратить ваше внимание на некоторые слухи, которые ходят у нас в столице. Вы, наверное, уже в курсе?

— Я слухи не комментирую. И вам не советую.

— О, характер у вас не меняется...

— Разумеется. Я не в том возрасте, когда меняется характер.

— И тем не менее вы все знаете... Очевидно, понимаете, что президент пока не принял окончательного решения. Но вполне вероятно, что он сумеет найти достойного кандидата.

— Возможно. Мне об этом пока ничего не известно. Вы позвонили, чтобы сообщить мне его решение? — Вопрос получился несколько издевательским.

— Нет. — Кажется, Олег Константинович даже усмехнулся. Он не ждал такого ответа от Виктора Викторовича. — Я не хочу скрывать от вас, что в Киеве многие недовольны таким поведением нашего руководителя. Нам кажется, что это его очередная ошибка. А если он сделает неправильный выбор, то это будет трагедия для

страны. Ситуация довольно неприятная для всех нас...

— И чего вы хотите? — снова перебил его Ермакович.

— Вы должны отказаться, — твердо проговорил Олег Константинович, — если вдруг он совершит такую ошибку и все-таки предложит вам пост премьера. Вы же знаете, если бы на вашем месте был кто-то другой, я не стал бы ему звонить. Все равно через несколько дней все будет известно и неудачный эксперимент нашего президента закончится с еще большим скандалом, чем дело погибшего журналиста. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не понимаю. Почему я должен отказаться?

— Вы умный человек, Виктор Викторович. Вы же прекрасно знаете, как все к вам относятся. Вас уважают, некоторые даже боятся. У вас самая сильная поддержка в парламенте. Но место, которое вам предлагают... Такого не было никогда и никогда не будет. Украина — крупнейшая страна Европы, и после всех наших скандалов мы не можем допустить, чтобы наша страна снова выглядела перед мировым сообществом не лучшим образом. Вы должны отказаться...

— Вы думаете о стране или о собственных интересах? — жестко поинтересовался Ермакович.

— Я думаю и о стране, и о наших интересах, — прямо и так же жестко ответил его собеседник.

Все стало ясно. Можно было закончить разговор. Это было прямым объявлением войны.

— Мне пока никто ничего не предлагал, — твердо сообщил Виктор Викторович. — Когда предложат, тогда и буду думать. А пока извините... — Он уже собирался положить трубку.

— Виктор Викторович, — спохватился Олег Константинович, очевидно почувствовав, что разговор может оборваться, — пожалуйста, не кладите трубку. Я только хотел вам сообщить... Если вы не откажетесь, некоторые люди, которые не очень вам симпатизируют, могут передать в прессу ваше досье. Вы меня слышите? Поверьте: мне больше всего хотелось бы избежать этого скандала. Все газеты и журналы напечатают вашу биографию с соответствующими комментариями. Пока вы были руководителем области, вас не трогали, но если вы не согласитесь...

— Не соглашусь, — твердо отрезал Ермакович, чувствуя мощный выброс адреналина. — С вами не соглашусь. И если президент решит предложить мне этот пост, тотчас же прилечу в Киев.

— Вы меня не поняли. Я всего лишь хотел вас предупредить...

Виктор Викторович, не дослушав, положил трубку. Затем резко закрыл папку с документами. Посмотрел на телефонный аппарат. Нужно сменить номер, подумал он и улыбнулся. Многие, даже достаточно умные и опытные, люди совершают одну и ту же характерную ошибку: судят о других с позиции собственных страхов и заблуждений. Вот и позвонивший Олег Константинович больше всего боится огласки их разговора. Как глупо! Полагает, что его можно запугать. Если бы они знали о его жизни... Всю правду, как все было на самом деле... Пожалуй, не стали бы тогда звонить. Но они даже не догадываются, что его нельзя испугать — все свои страхи он уже давно пережил. И самый первый более сорока лет назад, когда ему было всего восемь лет...

ВОСПОМИНАНИЯ

В их поселке было всего лишь две улицы — Песочная и Грузовая. Обе с покосившимися глинобитными хатами, в которых жило не так уж много народа. С самого утра мужчины — су-

ровые молчаливые шахтеры и такие же молчаливые металлурги, спешащие на небольшой завод, который стоял в стороне от поселка, — уходили на работу. Правда, Витин отец иногда отпраплялся на нее вечером, когда заступал в ночную смену. Он был машинистом паровоза. Хотя маленький Витя запомнил на всю жизнь, как отец завороженно смотрел в небо, когда над ними слышался гул пролетающих самолетов. А позже узнал, что отец с юности мечтал о небе, хотел стать летчиком, да проклятая война не дала осуществиться его планам. Отец ушел на фронт и вернулся с него тяжело раненным. Слава богу, как говорили взрослые, пришел живым — в их небольшом поселке многие семьи вообще остались без мужчин. Такое тогда было сплошь и рядом. И почти половина ребят, с которыми Витя учился в школе, вообще не знала своих отцов. Они родились во время войны или вскоре после нее от мужчин, которые, вернувшись в родные края, быстро умирали от тяжелых ран, полученных в боях.

Родители Виктора поженились в сорок девятом. Он работал машинистом, она была медсестрой. Сложилась обычная рабочая семья, каких до войны в поселке было много. А в июле пя-

тидесятого родился Виктор. Тогда казалось, что жизнь налаживается и впереди все будет только хорошо. Постепенно отменяли карточки, повышали зарплату... Но через два года мать Виктора тяжело заболела. Несколько месяцев она лежала в больнице. В памяти мальчика смутно осталось лишь размытое белое лицо умирающей матери на подушке, но почему-то навсегда запомнился отвратительный резкий запах больницы, преследовавший его затем долгие годы. Он не сразу осознал, что остался один. Один и навсегда. Маленькому Вите не повезло гораздо больше, чем его сверстникам, выросшим без отцов, потому что в два с половиной года он потерял мать.

Расти без отца очень сложно. При этом мальчики часто бывают неуправляемыми, им не хватает отцовской мудрости, конкретного примера перед глазами, их оскорбляет одиночество матерей, вынужденных в той или иной мере сходить-ся с другими мужчинами. А в пятидесятые годы была еще и социально значимая причина: мать, поднимающая семью в одиночку, часто не могла заработать столько, сколько зарабатывали мужчины.

Но потеря матери для ребенка — ни с чем не

сравнимое страшное потрясение. Это нарушение неких биологических законов, когда малыш теряет гораздо больше, чем просто любимого человека. Когда ему становится больно и хочется крикнуть «Мама!», он вдруг вспоминает, что ему некого звать на помощь. Когда ему совсем плохо, то не у кого искать утешения, надеясь на всепрощение и понимание. Рана от потери в детстве матери кровоточит затем всю жизнь. Жить без отца очень трудно, жить без матери — почти невозможно.

Как и все мальчишки, Витя играл в футбол. Когда начинало темнеть, из близлежащих хат доносились крики матерей, зовущих своих сыновей. Он знал, что его никто не позовет. Бабушка не любила кричать, она терпеливо ждала, когда он прибежит сам. Иногда по ночам, когда ему бывало плохо, он фантазировал, сочинял, какая у него могла бы быть мать, сжимая кулаки от непонятного чувства одиночества, такого обидного в его годы. И в школу вместо матери его провожала бабушка, хотя, справедливости ради, стоит отметить, что она всячески старалась ее заменить.

Но может быть, именно потому, что не было матери, Витя рос не по годам развитым, само-

стоятельным, настырным. А поскольку был таким, его и понесло в этот чертов отстойник. Бабушка предупреждала, чтобы даже близко около него не проходил. И все ребята поселка знали, что там гиблое место, обходили его стороной, шепотом рассказывали друг другу о болотном черте, который якобы в нем живет и топит всех, кто осмеливается появиться в его владениях. Только разве можно остановить мальчишек, которых притягивает все таинственное и незнакомое? И однажды Витя уговорил соседнего пацана Колю все же пойти посмотреть, что на самом деле творится в этой яме.

Шламовый отстойник, сохранившийся еще с довоенных времен, по краям порос кустарником, а в самом глубоком месте был заполнен болотной жижей. Туда-то мальчишки и полезли, рассчитывая увидеть что-нибудь интересное. Начали осторожно спускаться по склону вниз. Если бы у них была хорошая обувь, они не сорвались бы. Но развалившиеся от игры в футбол сандалии постоянно скользили, заставляя ребят цепляться руками за кусты. В какой-то момент Виктор почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Он инстинктивно наклонился, схватился за куст. Но тот неожиданно легко вылез из

земли. Сухой куст не выдерживал тяжести его тела, и мальчик понял, что сейчас упадет.

— Витя, — в отчаянии закричал его друг, — подожди, я тебе помогу!

— Нет! — успел крикнуть упрямый мальчишка и полетел вниз, прямо в болотную жижу.

— Я сейчас тебя достану, — пообещал перепуганный Коля. Ему было семь, он был на год младше Виктора.

Падение оказалось не столь страшным. Витя огляделся. Никаких болотных чертей видно не было. Да и в жиже он стоял всего лишь по пояс.

— Не спускайся, — крикнул он другу, — лучше кого-нибудь позови! Я здесь подожду.

— Я тебе помогу, — возразил Коля.

— Нет, — упрямо настаивал на своем Виктор, понимая, что мальчишке не хватит силенок вытащить его из этой жижи. — Лучше вернись в поселок и приведи ребят. А еще лучше скажи своему старшему брату. Пусть он палку с собой прихватит, и дуйте обратно.

— Я сам принесу палку! — закричал обрадованный Коля, скрываясь за склоном, поросшим кустарником.

Виктор огляделся. Вокруг никого не было. И вдруг почувствовал, что уходит все глубже в бо-

лотную жижу. Когда он только упал, она доходила ему до пояса, а сейчас он увяз уже почти по грудь. Вот тогда-то он и почувствовал настоящий страх. И пожалел, что остался один. Теперь никто не услышит его крика. Мальчик полагал, что под ногами у него достаточно твердая почва, однако болото сыграло с ним злую шутку. Или здесь на самом деле жил черт?

Он начал дергаться, пытаясь каким-нибудь образом вырваться из засасывающей его трясины. Но болото держало его цепко. Тогда он впервые попытался крикнуть, однако из горла вырвался лишь хриплый звук, который никто не услышал. Попытался дотянуться до свисающей поблизости ветки, но быстро понял, что не сможет ее достать. И в панике увидел, что увязает все глубже и глубже.

Ему было только восемь лет. Он учился во втором классе и, в сущности, был еще совсем ребенком. Опаленным горем ребенком, который выглядел старше своего возраста. А впереди у него была целая жизнь, которая могла вот так нелепо и глупо оборваться. Витя еще раз дернулся, набрав воздуха в легкие, заорал изо всех сил. Но его опять никто не услышал. Значит, ему сужде-

но умереть в этом отстойнике? Мальчик в жутком страхе дергался изо всех сил.

В какой-то момент он вспомнил бабушку. Она говорила, что мама наверняка попала в рай. А потому рано или поздно он там с нею встретится. Но для этого здесь, на земле, надо добрыми делами заслужить это право. А что он успел сделать? Гонял голубей, играл в футбол, вот не послушался бабушку и полез в этот отстойник. Болотная жижа доходила ему уже до плеч. Он тянул руки изо всех сил к спасительной ветке, свисающей от него так недалеко, но болото не собиралось его отпустить.

— Мама! — вдруг заорал он изо всех сил. — Мама! — Впервые в жизни Витя позвал ее громко, словно она где-то существовала. Позвал в самую страшную, отчаянную минуту, когда никакой надежды спастись не оставалось. Он не заплакал, только несколько раз произнес самое дорогое на свете слово, искренне веря, что каким-то непостижимым образом она сможет ему помочь.

Неожиданно поднялся ветер. Виктор закрыл глаза, понимая, что ему уже не спастись. И именно в этот момент та самая ветка, до которой он не мог дотянуться, ударила его по лицу.

Он открыл глаза. Ветер налетел достаточно сильный. Словно кто-то дал ему команду. Ветка опять наклонилась в его сторону, и он снова ощутил ее слабый удар по лицу. Теперь поднять руку и схватить ее оказалось совсем несложно. Держась за нее, Витя начал осторожно подтягиваться к твердой земле. Ветка оказалась довольно прочной. Он решился взяться за нее и второй рукой. Ухватившись обеими руками, стал тянуться за ветку изо всех сил. И почувствовал, что болото начало его отпускать. Мальчик понял, что так постепенно выберется из вязкой жижи.

И действительно, через несколько минут он уже лежал на земле, тяжело дыша и размазывая грязь по лицу. Оглянувшись назад, еще раз по-настоящему испугался, сообразив, какой жуткой опасности только что избежал. Хватаясь за ветки кустов, стал вылезать из ямы. Со стороны поселка бежали ребята. Коля, не успевающий за ними, бежал последним. Он поднял всех соседских мальчишек, чтобы выручить своего друга, по дороге он упал и разбил колено. Однако, не обращая внимания на рану, летел на помощь Виктору изо всех сил.

Ребята обступили мальчишку, вылезшего

наверх, с уважением уставились на его перепачканное лицо.

— Нет там никакого черта, — хрипло сообщил он им. — И вообще ничего нет. Болото одно. Нельзя туда залезать, пацаны. — Витя словно сразу повзрослел.

Все расступились, и он побрел к своему дому. Позади, чуть прихрамывая, плелся Коля.

На следующее утро, нарвав полевых цветов, Витя вместе с бабушкой пришел на могилу матери.

— Мама, это тебе, — чуть слышно прошептал он, опуская цветы на могилу.

Бабушка вытерла слезу. Она не знала, что накануне ее внук прошел одно из серьезнейших испытаний в его жизни.

Глава 2

Звонок секретаря отвлек Ермаковича от нахлынувших воспоминаний. Он недовольно поморщился: ведь она знает, что сегодня он не намерен ни с кем разговаривать и тем более встречаться. Но если все-таки решилась позвонить, значит, дело действительно важное.